

DOI 10.32726/2411-3417-2018-1-104-112

УДК 1; 329; 94

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВ

На страже единства России

Аннотация. В статье рассматриваются мнения и роль выдающегося русского публициста, основателя политической журналистики России М.Н. Каткова в связи с польским восстанием 1863 г. Катков привлек внимание к ряду важных аспектов этого события, а также ситуации в Западном крае и Царстве Польском, ускользавших от радикальной русской молодежи и либеральной общественности. В течение года М.Н. Каткову удалось добиться перелома в общественном мнении России, привлечь большинство к осознанию русских национальных интересов и поддержке решительных действий правительства.

Ключевые слова: М.Н. Катков, польское восстание 1863 г., польский вопрос, Царство Польское, Западный край, проект Л. Мерославского.

Михаил Никифорович Катков родился 1(13) февраля 1818 г. в Москве. В 1838 г. с отличием окончил Московский университет. После защиты магистерской диссертации «Об элементах и формах славяно-русского языка» в 1845 г. Катков был определен преподавателем на кафедре философии Московского университета. Здесь он читал курсы логики, психологии и истории философии. В 1856 г. стал редактором журнала «Русский вестник».

С началом преобразований Александра II Катков активно включился в общественно-политическую жизнь, отвечая на вызовы времени в специальном приложении к журналу – газете «Современная летопись». В 1863 г. Михаил Никифорович вместе с П.М. Леонтьевым стал редактором газеты «Московские ведомости». Ему удалось превратить это издание в самый влиятельный орган печати в России и на многие годы стать одним из авторитетнейших общественных деятелей в стране.

В 1863 г. в России началась польская смута, в ходе которой сепаратисты в Царстве Польском и Западном крае попытались вооруженным путем сместить русскую власть, стремясь к восстановлению Речи Посполитой в границах 1772 г. Роль, которую М.Н. Катков сыграл в общественно-политической дискуссии, развернувшейся в России в связи с польским восстанием, представляет особый интерес.

В отличие от многих русских журналистов, отстаивавших по отношению к Польше политику уступок, Катков сразу понял великодержавные и антирусские цели вождей

Сведения об авторе: ГРИГОРЬЕВ Александр Дмитриевич – доцент Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, кандидат исторических наук; prostotak343@yandex.ru.

польского восстания. В первом номере «Русского вестника» за 1863 г. он указывает на непомерные претензии мятежников, подчеркивая, что они добиваются не независимости Польши, а преобладания, господства поляков над русскими. «Ему недостаточно быть поляком; он хочет, чтобы и русский стал поляком или убрался за Уральский хребет... Отделение Польши никогда не значило для поляка только отделения нынешнего Царства Польского. Нет, при одной мысли об отделении воскресают притязания переделать историю и поставить Польшу на место России. Вот источник всех страданий, понесенных польской народностью, вот корень всех ее зол! Если б она могла освободиться от этих притязаний, судьбы ее были бы совсем иные, и Россия не имела бы надобности держать Польшу вооруженной рукой. Но в том-то и беда, что польский патриотизм не отказывается от своих притязаний: он считает Польшей все те исконно-русские области, где в прежнее время огнем и мечом и католической пропагандой распространялось польское владычество» [Катков. Польский вопрос, с. 148, 152].

Таким образом, Катков привлекал внимание к крайне важному аспекту идеологии вождей польского движения, ускользавшему от радикальной русской молодежи, привлеченной лозунгом «За нашу и вашу свободу!».

Катков справедливо отмечал, что большинство населения края – польское крестьянство – не участвовало в восстании. Это вооруженный мятеж, «поднятый небольшой партией, кучкой демагогов – не то революционеров-социалистов, не то шляхты и ксендзов, – которые увлекают за собой «в лес» людей, ослепленных патриотической идеей, либо просто сгоняют их силой в свои шайки и грабят крестьян и горожан» [Левинсон].

В ответ на призыв француза Э. Жирардена освободить Польшу, обращенный к Александру II, Катков разъяснял: «Дело не в обладании самою Польшей, а в том, чтобы, так или иначе, было обеспечено спокойствие в значительной части исконно русских областей, лежащих на западе и юго-западе нашего Отечества; чтобы была обеспечена целостность состава Русского государства... Вольно французскому публицисту мечтать об узах вечной благодарности, которые соединят теперешнюю Польшу с Россией; но те, которые действительно знают партию, теперь управляющую польским восстанием, знают очень хорошо, что, предав Польшу в руки фанатиков-якобинцев, Россия нажила бы себе не друга, а врага, такого врага, который ежечасно возмущал бы ее спокойствие, с которым пришлось бы вести борьбу не на живот, а на смерть за обладание исконно русскими областями, на некоторое время входившими в состав Польского королевства, но ненавидевшими и ненавидящими польское владычество» [Катков. Польский вопрос, с. 156–157].

Поставив вопрос, что делать с Польшей, Катков следующим образом обосновал позицию России: «Если бы дело шло только о неприкосновенности языка и национального обычая поляков, если бы весь вопрос состоял только в том, чтобы на всеобщем протяжении земли, где живет чисто польское народонаселение, в школах учили по-польски, в судах судили по-польски, в церквах молились по-польски или по-латыни, чтоб обычаи, нравы и все, в чем выражается народная особенность, имело право на существование, пользовалось честью и отнюдь не оскорблялось, то и не могло бы быть никакого спора между русскою и польскою народностями, и дело, по всему ве-

роятию, давно бы уладилось очень выгодным для польской народности образом. Но вопрос между Польшей и Россией есть вопрос о государстве: польскому ли государству существовать или государству русскому?.. Борьба идет не между двумя племенами или двумя народностями за язык, за обычай, за веру; борьба имеет своим предметом существование Русского государства» [Катков. Что нам делать с Польшей, с. 166].

Считая Россию самостоятельной, органически сложившейся системой, издатель «Московских ведомостей» убежденно отстаивал ее политическое устройство и требовал уважения к ее историческим особенностям. Россия не должна что-либо заимствовать и копировать в Европе, за многие века своего существования она выработала собственный путь общественного развития, настаивал Катков. «Россия не может допустить никакой комбинации относительно своего политического устройства, составленной на основании чуждых ей условий или не вытекающей прямо из практических условий ее быта, – никакой комбинации, которая не будет прямым ответом на ее действительные потребности или которая может повести к ослаблению ее государственного состава. Ни Польша, ни вся Европа не могут вынудить Россию принять чуждую ей формулу политического устройства... Россия имеет свой оригинальный тип и свойственный ей ритм развития... Мы не можем повторять для себя историю других народов; мы имеем свою историю, которая до сих пор еще ни разу не спотыкалась... Мы прошли тяжелую и долгую школу. Нам незачем идти снова в школу или переделывать у себя то, что было у других народов» [Катков. Что нам делать с Польшей, с. 177].

Русскую «передовую интеллигенцию» Катков критиковал за чуждый, как бы со стороны, взгляд на свою страну и ее роль в европейской политике. «Россия есть зрелая, крепкая, глубоко укоренившаяся сила, а незрелы, шатки и смутны те понятия, которыми мы, люди, судящие о России, судим о ней. В наших понятиях мы живем постоянно вне России, и эта двойственная жизнь производит страшный хаос и в наших понятиях, и в нашей действительности... Незрелость наша состоит не в том, чтоб историческая жизнь нашего народа содержала в себе мало прошедшего и вследствие того была скудна, слаба и молода, а в том, что мы невольно и бессознательно смотрим на нашу жизнь чужими, не соответствующими ей понятиями... В этом наше современное бедствие, в этом органический порок нашего теперешнего состояния» [Катков. Что нам делать с Польшей, с. 184–185].

Единственный реальный путь решения польского вопроса Катков видел на путях тесного государственного соединения Польши с Россией. «Итак, польский вопрос может быть решен удовлетворительным образом для России и для Польши, если Польша откажется от тех притязаний, которых ни в какой мере, ни под каким видом Россия допустить не может. Польский вопрос может быть решен удовлетворительным образом только посредством полного соединения Польши с Россией в государственном отношении... Польский край может иметь свое местное самоуправление, быть обеспеченным во всех гражданских и религиозных интересах своих, сохранять свой язык и свои обычаи. Но децентрализованная сколько возможно в административном отношении Польша должна быть крепкою частью России в политическом отношении» [Катков. Что нам делать с Польшей, с. 197–198].

Отстаивая национально-государственные интересы, Катков порицал русскую администрацию губерний Западного края, которая, как он отмечал, стремясь показать свою гуманность и цивилизованность, игнорировала требования закона. «Мы не говорим о Царстве Польском, где все чиновники – поляки, но и наши дела в Западном крае не дошли бы до теперешнего положения, если бы между тамошними русскими было меньше людей, уверявших себя, что, действуя по закону и совести, они навлекут на себя такие неудовольствия и даже оскорбления, которые принудят их отказаться от всякой мысли о самостоятельности в законном исполнении долга. Сохраняя верность России и доброжелательство краю, эти люди полагали, что единственное средство быть полезным не только России, но и самому краю заключается в двуличности. Таким образом, из правых они сами делали себя неправыми» [Катков. Истинный либерализм..., с. 138].

«В общественных делах, – продолжал публицист, – уступчивость одним всегда включает в себе несправедливость к другим. Чьи-нибудь интересы всегда приносятся в жертву, а никто не имеет права жертвовать ничьими, кроме своих, интересами. Популяризовать на чужой счет нечестно. Вот почему уступчивость и угодливость в общественных делах несовместна не только с либерализмом, но даже и с честностью. Угождайте, если угодно, за свой счет, а не за счет общества, не за счет Отечества» [Катков. Истинный либерализм..., с. 139].

Говоря о сопротивлении польскому мятежу в Западном крае России, Катков особо выделил патриотическую позицию русских старообрядцев, которую они заняли несмотря на то, что подвергались определенной дискриминации со стороны властей: «В Западном крае есть местности, населенные исключительно или старообрядцами, или католиками. В этих местностях коренную, прочную подпору русской народности составляют старообрядцы, а между тем старообрядцы не допускались там к занятию должностей. Их даже не позволяли избирать в волостные старшины, и, странно сказать, старшинами в старообрядческих волостях были католики, которые, само собой разумеется, находились под влиянием ксендзов. Тем не менее, старообрядцы первые отозвались на весть об учреждении ополчения и наводят теперь спасительный для края страх на мятежных людей между помещиками Витебской губернии... Есть основание предполагать, что при вновь назначенных выборах сельских властей в литовских и белорусских губерниях гражданские права старообрядцев не будут стеснены. Старообрядцы ждут с нетерпением этой справедливости. Во всяком случае, предпочтение, которое оказывалось в том краю католикам перед старообрядцами, было немалым промахом с нашей стороны и немалым подспорьем для революционной пропаганды» [Катков. Истинный либерализм..., с. 141–142].

Причины первоначальных успехов мятежников Катков объяснял равнодушием русского общества, оказавшегося неспособным разобраться в клерикально-аристократическом характере польского движения. «Польское восстание вовсе не народное восстание: восстал не народ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть, – желание слабого покорить себе сильного. Вот почему средством польского восстания не может быть открытая честная борьба. Как в семенах своих, так и своем

развитии оно было и есть интрига и ничего более. Если эта интрига имела значительный успех, то лишь потому, что она нашла у нас благоприятную для себя почву». Почему же это стало возможным? «Тут виноват общий строй нашей жизни, – замечает Михаил Никифорович, – потворствующий равнодушно к общественным интересам. Вследствие этого строя нашей жизни общее дело не находит ни достаточной поддержки, ни достаточной защиты в нашем обществе... Только бессилием нашего общества можно объяснить себе, что польской интриге удалось убедить не одного русского, будто отступаться от родных интересов значит действовать рыцарски, а защищать их значит шпионствовать» [Катков. Польское восстание..., с. 191–193].

Катков был убежден: польские повстанцы обречены, ибо они стремятся к восстановлению обанкротившейся Речи Посполитой. «Никакая сила в мире не может доставить успеха польскому восстанию, – писал он, – ...в Польше мы имеем против себя не польскую национальность, отстаивающую свое право на жизнь, а польское государство, уже давно разрушившееся и, тем не менее, не могущее отказаться от завоевательных планов... Поляки не хотят своего чисто польского государства; они пытаются восстановить его, но с тем неременным условием, чтоб оно тотчас же завоевало себе и Литву, и Русь. Для нас польский вопрос имеет национальный характер; для польских властолюбцев это – вопрос о подчинении русской национальности своему польскому государству, еще ожидающему восстановления» [Катков. Польское восстание..., с. 193].

Пробуждению русского общества, мобилизации общественного мнения на отпор польскому мятежу, по наблюдению Каткова, способствовало неприкрытое давление ведущих европейских держав на Россию. «Если теперь польское дело не имеет ни малейшей надежды на успех, то этим оно обязано преимущественно той поддержке, которую вздумала оказать ему европейская дипломатия. Чем деятельнее будет иностранное вмешательство, тем более будет крепнуть, а, может быть, тем более будет ожесточаться русское народное чувство» [Катков. Польское восстание..., с. 194].

С возмущением М.Н. Катков писал о ситуации в Западном крае России, о притеснении русских крестьян и униженном положении православного духовенства. «Западный край, Литва и Белоруссия представляют для всякого человека, уважающего чужую свободу и национальность, не говорим уже для всякого русского, самое возмутительное зрелище. В огромных размерах совершается там лишение русского народа его народности. Главными руководителями этого постыдного дела, переходящего в промысел, служат римско-католические ксендзы. Им недостаточно того, что они заставляют людей менять свою религию. Всяческими ругательствами и недостойными выходками они стараются унижить в глазах крестьянина его язык и его национальность... И все это происходило в стране, где большинство населения говорит по-русски, где польский язык употребляется простым народом только по принуждению, в разговоре с чиновниками, помещиками и ксендзами... Православное духовенство и небольшой кружок русских чиновников, вот те препятствия, которые встречали колонизаторы Западного края. Число русских чиновников с каждым годом уменьшалось. Что же касается до православного духовенства, то оно живет со своими семействами на жалование в несколько раз меньше того, которое дается от правительства же безбрачным католиче-

ским ксендзам. Неравенство положения усиливается еще тем, что ксендзы опираются, сверх жалования, на поддержку своих богатых прихожан помещиков, а православные священники получают лишь небольшие крохи от крестьян, разоренных и изморенных панами» [Катков. Польское восстание..., с. 194-196].

Называя виновников польской смуты, Катков бросает упрек и русской администрации края, позволившей вспыхнуть восстанию и не сумевшей ликвидировать его в зародыше. Наместником в Царстве Польском тогда был брат Александра II, великий князь Константин Николаевич. «Задача состоит не только в усмирении края, но и в постановке его в такое положение, при котором прежние крамолы были бы невозможны, – призывал Катков. – Нельзя не пожалеть, что дело зашло слишком далеко и требует для своего исправления весьма сильных мер. Принятие их должно послужить укором для лиц, приведших край в это положение, а русскому человеку прилично пожелать, чтоб эти меры как можно скорее достигли своей цели» [Катков. Польское восстание..., с. 199–200].

Публикуя проект одного из его вождей польского восстания Людвика Мерославского, Катков выделил слова Мерославского о русских революционерах, сочувствовавших и поддерживавших польское восстание: «Неизлечимым демагогам необходимо открыть клетку для полета – за Днепр; пусть там распространяют казацкую гайдамачину против русских попов, чиновников и бояр. Пусть агитация малороссиянизма переносится за Днепр: там обширное пугачевское поле для запоздавшей числом Хмельничевщины. Вот в чем состоит вся наша панславистическая и коммунистическая школа! Вот весь польский герценизм! Пусть он помогает издали польскому освобождению, терзая сокровенные внутренности царизма. Это достойное и легкое ремесло для полуполяков и полурусских, наполняющих ныне все ступени гражданской и военной иерархии в России. Пусть они обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит «для нашей и вашей свободы»: перенесение его в пределы Польши будет, однако, считаться изменою Отечеству и наказываться смертною казнию» [Катков. Проект польского восстания..., с. 215-216]. Комментируя этот пассаж, издатель «Московских ведомостей» заключает: «Трудно выразить более полное и более заслуженное презрение польских патриотов к своим союзникам гг. Герцену и К^о со всею их свитой. Апостолы нового порядка вещей, заботящиеся о Польше, «о нашей и вашей свободе», были в руках у опытных польских революционеров презренными орудиями, назначенными исключительно для нанесения ран русскому народу» [Катков. Проект польского восстания..., с. 216].

Рассматривая проект Мерославского, Катков привлек внимание к методам, которыми действовали антироссийские круги. «Общественному мнению Европы проект подносит посредством подкупленных газет «известия, *хотя бы и выдуманые* (курсив наш. – А.Г), о подземных потрясениях в России, подрывающих царское правительство, о вражде между помещиками, чиновниками и крестьянами, в особенности о жалком состоянии финансов и администрации в России; наконец, обо всем том, что только может служить к проявлению польской жизненности и русского бессилия» [Катков. Проект польского восстания..., с. 217].

Важное место в публицистике Каткова на эту тему занимают уроки, которые русскому обществу следовало извлечь из происходивших событий. «Если польское восстание не должно остаться для России без результата полезного, то мы должны устранить те причины, которые могли довести западнорусский край до того положения, в котором он находился в начале восстания, а еще более до того положения, в котором он находился за несколько месяцев до восстания. Мы должны устранить возможность обмана, возможность рассчитывать на интригу как на действительное средство производить в государстве беспокойства» [Катков. Проект польского восстания..., с. 217].

В качестве примера разумных и эффективных действий, направленных на укрепление русских позиций в Западном крае России, Катков рассматривал политику генерала М.Н. Муравьева. По его словам Муравьев не только сломил мятеж, но и «положил конец тому двусмысленному положению вещей, которое делало этот край ни русским, ни польским... В этом крае, искони русском и населенном по преимуществу русским народом, генерал Муравьев не считал возможным вступать в какие бы то ни было сделки с польскою национальностью, – и русская народность здесь, в краткое время его управления, стала, наконец, правдою, стала действительностью. Все, кому случалось проезжать в последнее время через Вильно, единогласно свидетельствуют, что край получил вполне русскую физиономию. Везде утвердилась тишина и полная безопасность» [Катков. Вред примирительной политики..., с. 220–222].

Результаты деятельности М.Н. Муравьева, по мнению Каткова, способствовали позитивным переменам на землях Литвы и Белоруссии, позволили их населению стать равноправными гражданами России. «Деятельность его была проникнута неизменным сознанием, что Литва и Белоруссия могут быть только русским краем. При нем впервые после долгого времени почувствовалось там присутствие русской силы: загнанное русское племя встрепенулось и приободрилось; все русское, бывшее доселе в уничтожении, вошло в почет; сами поляки начали, по-видимому, сознавать необходимость отречься от несбыточных мечтаний и обратиться в граждан земли русской» [Катков. Вред примирительной политики..., с. 227].

Одним из главных уроков польской смуты в России Катков считал возникновение русского общественного мнения в Западном крае. «Мятеж, который с такой дерзостью разыгрался в западных окраинах России, не имел никакой действительной силы, – писал он. – Однако с этим ничтожеством приходилось считаться. И, чтобы одержать верх в этой борьбе, было недостаточно материальной силы. Надобно было переменить систему действий и против враждебной организации выдвинуть русскую общественную силу... Такая нравственная сила не замедлила явиться в крае, где требовалось усиленное действие власти. Образовался ток русского мнения, который охватил всю администрацию края сверху донизу. С тех пор как Западный край вошел в состав Российской империи, быть может, впервые сказала в нем сила русского общественного мнения: и вот все, что было в крае русского, оживилось, а враждебная организация упала духом» [Катков. Причины приостановки русского движения..., с. 235].

Статьи по польскому вопросу, публиковавшиеся М.Н. Катковым на страницах «Московских ведомостей» и «Русского вестника» в 1863–1864 гг., переломили ситуацию в русском обществе. От симпатий к «угнетенным полякам», нередко высказывавшимся в начале восстания, общественное мнение России перешло к осуждению действий мятежников и активной поддержке решительной позиции русской власти, стремившейся сохранить единство страны. М.Н. Катков стал публицистом общенационального масштаба, подлинным властителем дум патриотически настроенных современников.

В стране резко снизилось влияние радикальных пропагандистов, поддержавших участников польского восстания. За 1863 г. тираж герценовского «Колокола», призывавшего убивать «гадких русских солдат» [Воспоминания... с.9], упал в пять раз, до жалких 500 экземпляров.

В своей патриотической деятельности М.Н. Катков, не стеснявшийся резко критиковать бездействие и пассивность властей, столкнулся с сопротивлением высокопоставленных чиновников, в частности министра внутренних дел П.А. Валуева. После нескольких предупреждений в мае 1866 г. издание «Московских ведомостей» было приостановлено. Но Александр II в июне того же года лично принял Каткова и выразил ему свою поддержку. Напутствуя его, император сказал: «Сохрани тот священный огонь, который есть в тебе!» [Селезнев, Смолин, с. 25], определив основную черту выдающегося публициста.

Яркий деятель русской политической журналистики, Михаил Никифорович Катков до конца своих дней сохранил весьма значительное влияние в стране. И Александр II, и его преемник Александр III считали его выдающимся представителем русской общественной мысли и нередко пользовались его советами и предложениями. В историю русской общественной мысли М.Н. Катков вошел как пример самоотверженной борьбы за национальные интересы России.

Литература:

Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М. 2014.

Катков М.Н. Вред примирительной политики с польской национальностью. Заслуга М.Н. Муравьева. Муравьева Недостаток в русских людях // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М. 2014. С. 218–224.

Катков М.Н. Истинный либерализм, меры, принимаемые властями в Царстве Польском, и старообрядцы в Западном крае // Катков М.Н. Имперское слово. М. 2002. С. 137–142.

Катков М.Н. Польский вопрос // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М. 2014. С. 141–158.

Катков М.Н. Польское восстание не есть восстание народа, но восстание шляхты и духовенства // Катков М.Н. Идеология охранительства. М. 2009. С. 191–200.

Катков М.Н. Причины приостановки русского движения в Западном крае // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М. 2014. С. 234–236.

Катков М.Н. Проект польского восстания, подписанный Мерославским и найденный у графа Андрея Замойского // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М. 2014. С. 213–217.

Катков М.Н. Что нам делать с Польшей // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М. 2014. С. 159–197.

Левинсон К. М. Н. Катков и польское восстание 1863 года // Новые знания. 10.06.2014. – URL: www.novznania.ru/archives/6373 (дата обращения 12.02.2018).

Селезнев Ф., Смолин М. Великий страж империи // Катков М.Н. Имперское слово. М. 2002. С. 5–44.